

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

Окончен бал,
погасли
свечи

Повесть

Комплекс
Наполеона

Повесть

Марина С. Серова
Комплекс Наполеона
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=422862
Комплекс Наполеона: Эксмо; М.; 2006
ISBN 5-699-17699-3

Аннотация

Профессионал с большим стажем, частный детектив Татьяна Иванова растеряна и возмущена не на шутку. Скромная добрая воспитательница детского дома настаивает на том, что непреднамеренно лишила жизни воспитанника. «Преступница» заученно твердит о своей вине и подробностях происшедшего, милиция с чувством выполненного долга готовится передать дело в суд, но знаменитую сыщицу не проведешь. Татьянустораживают нестыковки в рассказе обвиняемой, ее прекрасные характеристики с места работы, а также то, что все это случилось в тот момент, когда родной отец ребенка готовился забрать сына домой...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	49
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Марина Серова

Комплекс Наполеона

ГЛАВА 1

Я не люблю зиму. Я ее просто ненавижу. Не нужны мне ни коньки-лыжи, ни заснеженные белым кружевом деревья, ни морозные узоры на окнах, ни прочая романтическая чушь. И даже Новый год мне не нужен – слава богу, прошел уже... И вообще мне ничего не нужно, когда за окном мороз минус тридцать, в моей комнате всего плюс пятнадцать, и я сижу с ногами на диване, в теплых брюках, двух свитерах, закутанная еще и в клетчатый плед, из которого только и торчит мой нос, кончик которого даже дома все время красный. На коленях у меня лежит журнал, и я, буквально на секунду выдергивая руку из-под пледа, переворачиваю страницы. И у меня даже не хватает духу пойти и принять горячую ванну, потому что, сами понимаете, возвращаться после нее в комнату, где всего плюс пятнадцать... Что-то не тянет меня на подобный экстрим. И я очень рада, что телефон молчит и никто не предлагает мне работу.

Да и откуда ей взяться-то, этой работе, в такую холодину? Преступники все, наверное, тоже отогреваются на кухнях и оставляют свои коварные замыслы до лучших времен, когда

мозги их потихоньку оттают. И насчет этого есть официальное подтверждение: в программе «Время» с радостью объявили статистику Московского управления внутренних дел – количество преступлений в морозные дни уменьшилось на тридцать процентов.

В принципе сидеть бы да радоваться: средствами я обеспечена, холодильник забила продуктами еще вчера, приняв отчаянным усилием воли поход, а точнее, забег в ближайший супермаркет, работать не надо. Вот только чертов холод отравляет все преимущества такого отдыха. И даже поехать к кому-нибудь в гости я не могу, потому что моя «девятка» вчера, например, просто отказалась заводиться, когда я хотела хоть немного скрасить свое существование и рвануть к своей подружке Светке-парикмахерше.

Самое печальное, что у меня вчера сломался еще и обогреватель, который, видимо, за последние годы отвык от подобных морозов и, ошалеv от перегрузки, тихо скончался. Правда, он уже и по возрасту должен был это сделать – приобретен он был много лет назад, – а купить новый мне и в голову не приходило: прошлые зимы не доставляли людям таких проблем, как нынешняя. И теперь у меня в кухне на одной из зажженных конфорок плиты покоился красный кирпич: пришлось воспользоваться бабушкиным методом, чтобы совсем не закоренеть.

Я щелкнула пультом, включая телевизор, дабы послушать прогноз погоды, в надежде, что синоптики скажут что-ни-

будь, что поднимет мне настроение. Увы, ничего оптимистичного в их прогнозах не было, наоборот, обстановка только нагнеталась, и даже глава РАО ЕЭС озабоченно качал с экрана рыжей головой, рассказывая о дефиците электроэнергии. Я тоже покачала головой от досады и переключила канал, отложив журнал, и, втянув руки в рукава свитера, спрятала их под плед. Так все-таки поудобнее: и страницы переворачивать не нужно, и живых людей видишь – все веселее. Мне очень хотелось выпить горячего кофе или чаю, но вылезти из-под пледа я так и не решалась. Решилась я на это, лишь вспомнив о своих незаменимых «друзьях» – двенадцатигранных цифровых костях, обладающих способностью предсказывать будущее. Правда, я пользовалась ими в основном по работе, но можно попробовать и сейчас. Доставая замшевый мешочек, я молила про себя, чтобы кости сказали мне, что синоптики ошибаются и что тепло наступит очень скоро. Лучшее всего – уже завтра.

8+18+27 – «Существует опасность обмануться в своих ожиданиях».

Что ж, придется, видимо, смириться с этим жизненным ударом и терпеливо ждать. Если синоптики и ошибаются, то мои кости – никогда. Я убрала их на место и снова юркнула под плед.

Только я начала запоминать по именам героев сериала, который вынужденно обзревала, как зазвонил телефон. Чертыхнувшись, я вначале хотела было проигнорировать

звонок, но потом подумала, что, может быть, звонит кто-то, у кого заводится машина и в квартире тепло, и он хочет пригласить меня к себе в гости, естественно, заехав за мной...

Увы, все оказалось совсем не так.

– Татьяна Александровна? – прозвучал незнакомый женский голос.

– Угу, – пробурчала я.

– Я вас беспокою по очень важному и деликатному делу, – продолжала незнакомка. – Вы ведь частный детектив?

– В общем, да, – подтвердила я. – А с кем имею честь?

– Меня зовут Аделаида Анатольевна Морозникова, – сообщила женщина, и при произнесении ею своей фамилии меня словно обдало холодом. – Я заведующая детским домом, и у нас... – Она замялась. – Одним словом, я говорю, что дело деликатное. Мне необходимо с вами встретиться.

– Ну что ж, – вздохнула я. – Подъезжайте ко мне. Адрес знаете?

– Нет, – огорошила меня Аделаида Анатольевна. – Я вообще-то думала, что вы сами приедете. Я сейчас как раз на работе... Вам ведь все равно, наверное, придется здесь побывать...

– Ну уж нет, – усмехнулась я. – Вообще-то я привыкла, чтобы первый разговор с клиентом происходил у меня. И потом, я не уверена, что мне доведется побывать у вас: вдруг я не возьмусь за ваше дело? Я же даже не знаю, в чем его суть. И при подобном раскладе в такой мороз самой к вам ехать?

Проще говоря, мне хотелось сказать: ищите дураков в другом месте. Морозникова, очевидно, это поняла, поскольку в трубке повисло молчание, а потом потенциальная клиентка проговорила, причем довольно неохотно:

– Хорошо. Назовите ваш адрес, я сама приеду.

Я рассказала Морозниковой, как меня найти, положила трубку, шмыгнула красным носом и пошла в кухню ставить чайник, раз уж все равно вылезла из-под пледа. Аделаида Анатольевна появилась у меня минут через сорок, когда я уже допила второй бокал чаю и немного согрелась.

– Кофе хотите? – предложила я в прихожей, пока она снимала длинную нутриевую шубу и разматывала шарф.

– О да, – кивнула Морозникова, разуваясь. – Жуткий холод! Хорошо хоть, что я на служебной машине и водителю удалось ее завести.

Я пригласила ее в кухню, так как это было самое теплое помещение в моей квартире. Аделаида Анатольевна была довольно высока, возраст ее приближался где-то к сорока, но выглядела она молодо и ухоженно. Достаточно модная стрижка на основе сэссона, мелирование: прямые светлые пряди волос чередовались с темными, очки в тонкой оправе. На Морозниковой был надет темно-голубой джемпер и длинная черная шерстяная юбка. Продолговатое лицо было довольно приятным, интеллигентным, хотя и не очень запоминающимся. Даже глаза красивого голубого цвета из-за очков с сильными диоптриями казались меньше и не выделя-

лись. Губы были покрашены светло-розовой помадой.

«Ей бы следовало носить контактные линзы, – мелькнуло у меня в голове. – И губы слегка утолщать темной помадой – лицо бы выглядело ярче и выигрышнее».

Но я быстро забыла о вдруг проснувшихся во мне идеях доморощенного визажиста и, разлив кофе по чашкам, обратилась к Аделаиде Анатольевне:

– Так что у вас произошло?

Та для начала вздохнула и заговорила, почему-то понизив голос, хотя мы были вдвоем:

– Понимаете, я уже говорила, что дело деликатное... И мне как раз хотелось бы, чтобы вы помогли сохранить все в тайне... Ну, пусть не все, но хотя бы... Одним словом, мне бы хотелось сохранить репутацию нашего заведения. Сами понимаете, это детский дом!

– Так что же все-таки у вас случилось? – прихлебывая кофе, который остывал прямо на глазах, повторила я.

Морозникова опустила плечи, нервно побарабанила пальцами по столу и сказала, глядя в сторону:

– У нас умер воспитанник.

Я чуть приподняла брови, но пока ничего уточнять не стала, ожидая, когда заведующая сама расскажет мне все детали.

– Простите, у вас можно курить? – спросила та.

Я кивнула, тоже достала свои сигареты и включил вытяжку над плитой. Аделаида Анатольевна сделала несколь-

ко длинных затяжек, смяла сигарету в пепельнице и тут же закурила новую. То, что она заметно волнуется, было видно невооруженным глазом.

– Простите, вы ведь обещаете мне сохранять конфиденциальность? – вдруг подняла она на меня свои голубые глаза.

Настал мой черед вздохнуть.

– Аделаида Анатольевна, – проговорила я. – Вы ведь обратились ко мне не просто так, верно? Скорее всего, вам кто-то меня рекомендовал, поскольку объявлений в газетах о своих услугах я не даю. Верно?

– Да, – осторожно подтвердила Морозникова. – Одна моя знакомая, из парикмахерского салона «Элит»...

– Я догадываюсь, о ком идет речь, – стряхивая пепел, кивнула я. – Вполне приличная дама, верно? И вы ей доверяете, раз обратились за помощью в своем... деликатном деле. И уж она, наверное, предупредила вас, что частные детективы, которые позволяют себе разглашать профессиональные тайны, очень быстро теряют и репутацию, и клиентов, а порой и лицензию. А если не предупреждала, то об этом вам говорю я. Я работаю частным детективом много лет. И пока что у меня нет ни одного нераскрытого дела. И жаловаться на меня клиентам тоже не приходилось. Ну, разве что сам клиент вдруг оказывался преступником – попадались мне и такие оригиналы. Надеюсь, у вас не тот случай?

Морозникова сначала, видимо, не поняла мою последнюю фразу, потому что несколько секунд сидела неподвижно, за-

тем вспыхнула и воскликнула:

– Да что вы! Я вообще не имею к случившемуся никакого отношения! Меня вообще тогда не было в детском доме, у меня давно рабочий день закончился!

– Вот и славно, – невозмутимо откликнулась я. – А теперь расскажите, пожалуйста, что там у вас случилось и как все произошло. И поподробнее, чтобы мне пореже приходилось перебивать вас вопросами.

Аделаида Анатольевна залпом допила кофе, который, увы, уже совсем остыл, и начала:

– Одним словом, у нас заболел воспитанник. Точнее, двое... Первый мальчик, из старшей группы, уже был направлен в изолятор – речь шла о дизентерии. Второй поступил туда на следующий день. Два дня пролежал, пролечился, ему стало лучше... И вот наутро он был обнаружен мертвым! В своей кровати!

– А отчего наступила смерть? – все-таки пришлось мне уточнить, потому что Морозникова, вспомнив о деталях трагедии, закрыла лицо руками и замолчала.

– Разумеется, пришлось вызвать «Скорую» и милицию. Врач сказал, что смерть наступила от асфиксии. То есть он задохнулся...

– Или его кто-то задушил, – добавила я.

– Да, – нервно согласилась заведующая. – Но вы же понимаете, что этого просто не может быть!

– Почему? – удивилась я.

– Потому что... Да потому что этого просто некому сделать! – развела руками Морозникова. – У нас только дети и воспитатели! Неужели вы думаете, что кто-то из них способен на такое?

– Но ведь мальчик же умер. Вряд ли он сам себя задушил.

– Но он... Но это мог быть несчастный случай! – стояла на своем Аделаида Анатольевна.

Я вздохнула.

– Когда наступила смерть, по словам врача?

– Около двенадцати часов ночи, – ответила Морозникова.

– А во сколько обычно дети ложатся спать?

– В десять.

– Аделаида Анатольевна, а кто оставался в детском доме после ухода воспитателей? Я так понимаю, что не все сотрудники там ночуют...

– Разумеется, нет. Остаются дежурный воспитатель, нянечка... ну, и охранник.

– Охранник находится в помещении?

– Да, у входа, в вестибюле. Ворота на ночь мы запираем. Входную дверь – тоже.

– То есть никто посторонний на территорию детского дома проникнуть не мог?

Морозникова чуть подумала, потом отрицательно замотала головой.

Я выразительно посмотрела на нее. Она снова вспыхнула:

– Но у нас проверенный коллектив! Вы что же думаете, я

людей с улицы набираю на работу? У них у всех стаж, рекомендации! Опыт педагогической работы!

– А воспитанники? – уточнила я.

– А что воспитанники?

– Ну, они-то наверняка не все из благополучных семей. У вас же не только сироты, как я понимаю, но и те дети, от кого отказались родители. Или лишены родительских прав.

– Все верно, – кивнув, согласилась Аделаида Анатольевна. – Но кому из воспитанников и, главное, зачем придет в голову убивать... этого мальчика?

– А что говорит милиция? – спросила я.

– Говорят – будем разбираться! Уже вызывали несколько раз – и меня, и воспитателей, и нянечку. И даже детей опрашивали.

– И что выяснили?

– Да разве они мне докладывают? – отчаянно махнула рукой Морозникова.

– То есть по подозрению в убийстве никто не задержан, не арестован?

– Нет, – покачала головой заведующая и выжидательно посмотрела на меня.

– Простите, но я не совсем понимаю – чего, собственно, вы хотите от меня? – спросила я.

– Ну я же вам говорила о репутации своего детского дома. Я дорожу своей работой, своим коллективом... Детьми, наконец! И мне бы совсем не хотелось, чтобы поползли слу-

хи... – вкрадчиво заговорила Аделаида Анатольевна.

– Ну, слухи так или иначе поползут, – заметила я. – Детей же не заставишь молчать.

– Пускай так, но одно дело, когда просто болтают, а другое – когда для этого есть основания, – возразила мне директор детского дома.

– А разве их нет? – удивилась я.

– Вы меня не поняли, – со вздохом сказала Морозникова. – Я потому и обратилась к вам, чтобы вы развеяли все возможные сплетни. Чтобы вы доказали, что это был несчастный случай и ни воспитатели, ни воспитанники к нему не причастны!

– Я думаю, что это вы не понимаете специфики моей работы, Аделаида Анатольевна, – покачала я головой. – Поймите, я занимаюсь расследованием преступлений – убийств, краж, исчезновения людей... Я могу провести работу и выяснить, что произошло на самом деле. Понимаете? Я могу установить истину. Но вам она как раз может не понравиться. Вдруг окажется, что это было убийство и виноват как раз кто-то из персонала или воспитанников? Что тогда?

Аделаида Анатольевна поморгала накрашенными ресницами.

– Вот этого как раз и не надо! – выдала наконец она. – Я хотела, чтобы вы всех опросили, все сопоставили, а потом сказали в милиции, что мы тут совершенно ни при чем! И чтобы они прекратили дело!

– Простите, но это звучит, я бы сказала, более чем наивно, – усмехнулась я. – Вы сами-то понимаете, что говорите? Я приду в милицию и скажу: «Вы знаете, я там пообщалась в детском доме со всеми, они все такие милые, какие из них убийцы? А мальчик просто забыл, как дышать, и задохнулся, как в том анекдоте. Так что быстренько сворачивайте дело, я вам приказываю». Так, что ли?

– Господи, ну как вы все утрируете! – недовольно проговорила Морозникова. – Но у вас же есть какие-то знакомства, связи в милиции? Наверняка же есть! Вы могли бы просто... ну... как бы неофициально попросить их замять это дело... Разумеется, я заплачу вам за работу!

– Я уже сказала вам, в чем заключается моя работа, – сухо ответила я. – То, о чем вы просите, совсем не по моей части. Если вам нужно решить вопрос, как вы выражаетесь, неофициально, попробуйте сами обратиться в правоохранительные органы и договориться, что называется, без свидетелей. Но я не уверена, что ваша просьба будет удовлетворена.

– То есть вы отказываете мне в помощи, – констатировала Аделаида Анатольевна.

Я только развела руками.

– Хорошо. – Она поднялась и молча направилась в прихожую.

Я последовала за ней и, наблюдая, как заведующая детским домом обувает сапоги, сказала:

– Могу дать вам совет: доверьте все милиции. Даже если

окажется, что виноват кто-то из ваших подопечных, то это все равно лучше, чем если спустя какое-то время выяснится, что вы пошли на подкуп. В первом случае вы, конечно, можете получить взыскание, но это не такая уж строгая мера, и со временем все забудется. А вот во втором... Тогда будет существенно подмочена не только репутация вашего заведения, но и ваша собственная. А для педагога она очень важна. Работу можно потерять, а найти новое место будет непросто. Так что послушайте меня – не наломайте дров.

– Спасибо, – сухо кивнула Морозникова и, не застегивая шубы, открыла дверь и вышла на лестничную клетку. Потом обернулась и добавила: – Только и в первом случае, боюсь, дело не ограничится простым взысканием. Так что перспективы у меня в любом случае нерадужные.

Вздохнув, я пожалала плечами и закрыла дверь. Постояла немного, потом, поежившись от холода, направилась в комнату и залезла под плед, предварительно включив телевизор. Перспективы на вечер у меня тоже не были особенно радужными, хотя это, наверное, мелочи по сравнению с проблемами Аделаиды Анатольевны Морозниковой. Но, как бы ни звучало это цинично, меня эти проблемы не касаются.

* * *

Ирина Викторовна нервно ходила по комнате, время от времени бросая косые взгляды в сторону мужа, который мол-

ча и внешне спокойно укладывал вещи в большую спортивную сумку и словно не замечал супругу. Затем он подошел к двери, возле которой она стояла, и, чуть отстранив жену, прошел в ванную комнату, откуда вынес бритвенный станок и упаковку лезвий. Ирина Викторовна не выдержала:

– Значит, ты все окончательно решил? – спросила она.

– Я ведь уже сказал, – откликнулся муж, укладывая набор в сумку.

– Но ты понимаешь, что это безумие! – воскликнула женщина, беря мужа за руку и насильно усаживая его на диван рядом с собой. – Владислав, давай поговорим, в конце концов, спокойно!

– Мы же все это уже обсуждали, – глядя в сторону, сказал Владислав Юрьевич.

– Мы так и не пришли к общему знаменателю, – возразила супруга. – Ты совершенно не принимаешь в расчет мои доводы! А они, между прочим, очень убедительны! Господи, да тебе все твердят одно и то же: брось ты эту затею! Все друзья говорят!

– В данном случае меня не интересует их мнение, – парировал муж.

– А мое мнение тебя интересует? – повысила голос Ирина Викторовна.

Владислав промолчал.

– Ты же жизнь свою губишь! – В голосе супруги зазвучали слезы. – И не только свою, но и нашу: мою и Алешкину! Ты

о нас подумал? О нем подумал, о сыне родном?

Владислав пристально посмотрел в глаза жене, и та несколько осеклась.

– Хорошо, хорошо, я все понимаю, – уже спокойнее заговорила она. – Но и ты согласишься, что нельзя принимать такое серьезное решение столь поспешно. Ладно, я согласна, можно поехать, выяснить обстановку, потом трезво все оценить, рассудить... А потом уже решать. Но нельзя же действовать вот так, под влиянием порыва, эмоций!

– Но и ты сейчас говоришь под влиянием эмоций. Ведь они в первую очередь в тебе протестуют против моего решения.

– Во мне протестует здравый смысл! – Голос Ирины Викторовны снова поднялся до визгливых нот. – И я считаю, что это просто предательство по отношению к нам.

– Ира, я вас вовсе не предаю, – устало проговорил Владислав Игоревич. – Я просто хочу исправить собственную ошибку, совершенную несколько лет назад.

– Что ты называешь ошибкой? – округлила глаза Ирина Викторовна. – Меня и Алешку? Может быть, ты жалеешь о том, что бросил ту женщину? Ты, может быть, потому так и рвешься туда, что решил вернуться к ней насовсем? Так ты мне лучше сразу скажи...

– Ну о чем ты говоришь, – поморщился Губанов. – Ты же знаешь прекрасно – я вернусь через неделю, и все у нас будет по-прежнему. Ну, с маленьким изменением, которое никак

не повлияет на наши отношения.

– Ничего себе – маленькое изменение! – Губанова вскочила с дивана. – Оно меняет всю нашу жизнь. И Алешкину тоже! Ты вообще знаешь, как он-то к этому отнесется? Он ведь пока ничего не знает! А ему осенью в школу идти, если ты забыл!

– Ну а это-то здесь при чем? – тоже начал раздражаться супруг.

– При том, что ему сейчас совершенно ни к чему подобные... сюрпризы!

– Почему ты так уверена? Может быть, наоборот, ему это только поможет. Будет веселее, проще. Уроки легче делать.

Ирина Викторовна только презрительно рассмеялась.

– Нет, ты поразительно наивен, – проговорила она, подходя к столу и закуривая сигарету. – Я удивляюсь тебе! Ты взрослый умный человек, грамотный, уважаемый на работе, во многом разбирающийся – и совершенно ничего не понимаешь в жизни! В молодости лопухнулся, теперь хочешь снова...

– Ирина, – строго перебил женщину Губанов. – Давай не будем трогать эту тему об ошибках моей молодости. Как раз одну из них я и хочу поправить, пока не поздно.

– Как бы ты этим самым не совершил очередную ошибку. На этот раз роковую, – вздохнула женщина и выразительно посмотрела на мужа. – Имей в виду, я ведь, если что, рассоливать не стану. Как бы тебе не потерять ту семью, которая

у тебя сейчас есть.

– По-моему, ты начинаешь меня шантажировать, – неожиданно улыбнулся Владислав и, подойдя к жене, обнял ее сзади. – И вообще, я думаю, что ты просто ревнуешь. Этим и объясняется твоя непримиримость. Ирка, ну что ты, в самом деле? Ты же знаешь, что вы с Алешкой для меня дороже всего. Ну? Чего ты?

Ирина всхлипнула и, потушив сигарету, повернулась к мужу. Тот взял ее мягкое лицо обеими ладонями и поцеловал. Они постояли так некоторое время, потом Губанов мягко отстранил жену.

– Все, мне пора ехать, – сказал он. – Ни о чем не беспокойся, все будет хорошо. Ты за Алешкой в садик собираешься? Я могу тебя подвезти.

– Нет, еще рано, – покачала головой жена. – Они сейчас только встают после сна. Я сама за ним схожу.

– Ну смотри. – Губанов потрепал жену по волосам и, взяв сумку, направился в прихожую.

– Владик, – дрогнувшим голосом окликнула его Ирина. Губанов обернулся.

– Не уезжай, – вдруг тихо попросила жена. – Я тебя просто прошу, я не хочу, чтобы ты потом об этом жалел...

Владислав Юрьевич чуть помолчал, потом повторил:

– Все будет хорошо.

Он оделся, крикнул слова прощания, поскольку жена так и не вышла к нему, и, не дождавшись ответа, стал спускаться.

ся по лестнице. Ирина стояла у окна, провожая взглядом его машину. И уже когда он уехал, продолжала стоять, задумавшись и закусив нижнюю губу.

* * *

– Татьяна Александровна! – Смутно знакомый голос в трубке просто срывался на крик. – Это Аделаида Анатольевна, Морозникова! Я вас просто умоляю приехать! У нас ЧП!

– Что такое? – Я даже не сразу поняла, о ком и о чем идет речь.

– Вы меня забыли? Я же была у вас буквально несколько дней назад!

– Я вас помню, но мне казалось, что мы обо всем договорились...

– Татьяна Александровна, миленькая, мне некогда сейчас все объяснять, тем более по телефону! Я просто хочу, чтобы вы приехали как можно быстрее! Я все поняла, я хочу, чтобы вы провели расследование. Все – в рамках вашей профессии, и ничего больше!

– Вот как? – Я была удивлена безмерно. – Ну что ж, говорите адрес вашего детского дома.

Аделаида Анатольевна быстро продиктовала мне адрес, и вскоре я уже сидела в свою «девятку». Лютые морозы, слава богу, спали. Правда, не настолько, чтобы можно было часами разгуливать по улицам, но, по крайней мере, маши-

ны стали исправно заводиться, по квартире можно было передвигаться в обычном домашнем костюме, да и на улицах жизнь зашевелилась: активизировались торговые точки, которые две недели подряд пустовали, прохожих и автомобилистов заметно поприбавилось, и даже в сквер возле моего дома молодые мамы вывели в колясках детей – подышать свежим воздухом.

Тем не менее печку в машине я, конечно же, включила в первую очередь. Путь мне предстоял не такой уж близкий: детский дом номер восемнадцать находился чуть ли не за чертой города, на окраине Заводского района.

Интересно, что такого могло там произойти, если заведующая столь резко поменяла свое настроение? Она сказала – ЧП. Неужели новая трагедия? Это что же, скоро пойдут газетные заголовки типа: «Серия убийств в детском доме» или «Воспитатели-убийцы»? Тогда уж Аделаиде Анатольевне совсем не позавидуешь, это уже не просто неприятные слухи...

Однако я тут же одернула себя. Еще ничего не известно, а я строю какие-то предположения на грани фантастики. И все-таки, ЧП не ЧП, но что-то там произошло явно неординарное.

Территория детского дома номер восемнадцать была огорожена металлическим забором, выкрашенным в голубой цвет. Ворота в это время дня были открыты. Я прошла во двор, довольно просторный: детская площадка, спортивная

площадка, лавочки по обеим сторонам дорожки в небольшом скверике, которая вела ко входу в здание... Ничего особо выдающегося, тем не менее все оборудовано вполне сносно. И само трехэтажное здание – вовсе не мрачное и облупившееся, желто-серого цвета, как представляло мое воображение. Видно было, что ремонт делался здесь совсем недавно, по крайней мере, снаружи: стены выкрашены свежей краской, белый цвет чередовался с салатным. И дверь была добротной, современной. Очевидно, Аделаида Анатольевна следила за своим детищем. Вот только как это она смерть воспитанника проморгала...

Я открыла дверь и прошла в помещение, отметив, что и внутри все чисто и ухожено. Неужели спонсоры начали наконец вкладывать средства в детские дома, а не в дурацкие реалити-шоу? В вестибюле ко мне сразу же шагнул охранник, крепкий парень лет двадцати пяти.

– Вы Иванова Татьяна Александровна?

– Да, – подтвердила я.

– Аделаида Анатольевна ждет вас, пойдемте, я провожу.

Кабинет заведующей находился на втором этаже. Охранник проводил меня и, постучав в дверь и услышав: «Да-да», молча впустил меня и сразу же ушел. Аделаида Анатольевна сидела за столом и курила. Форточка в ее кабинете была раскрыта настежь, несмотря на минусовую температуру за окном. Она была в темно-синем брючном костюме, при макияже и маникюре, вот только лицо ее раскраснелось, и этого

не мог скрыть даже тональный крем.

– Татьяна Александровна! – Она даже вскочила при моем появлении. – Садитесь, пожалуйста, курите... Хотите чаю или кофе?

Я вежливо отказалась, так как не хотела терять время и желала поскорее выяснить, что за ЧП постигло детский дом на сей раз.

– Я надеюсь, никто больше не умер? – осторожно начала я, опускаясь в мягкое кресло напротив Аделаиды Анатольевны.

– Слава богу, нет, – выпуская длинную тонкую струйку дыма, отозвалась заведующая. – Но и без этого голова кругом. Дело в том, что у нас арестована сотрудница.

– Арестована? За что?

– Ну, или задержана, я не знаю, как это точно называется! – Морозникова с досадой махнула рукой и затушила сигарету. – За то, что она якобы убила Губанова.

– А кто такой Губанов?

– Это тот самый мальчик, который умер, – еще более раздраженно пояснила Аделаида Анатольевна. – Его звали Сережа Губанов.

– А откуда взялась версия о виновности вашей сотрудницы?

– Так она сама призналась! – воскликнула Аделаида Анатольевна. – Вот так, взяла и призналась, прямо как снег на голову!

– Почему? – удивилась я. – Что ее толкнуло сделать это именно сейчас? И кстати, когда произошла смерть мальчика?

– Сережа умер две недели назад.

– И все это время ваша сотрудница не делала никаких намеков, попыток в чем-то признаться?

– Нет. Это наша нянечка, Варвара Михайловна. Она осталась в ту ночь в детском доме вместе с дежурным воспитателем. До сегодняшнего дня никому не приходило в голову ее заподозрить! Она работает у нас четыре года, и я со всей ответственностью могу заявить, что более доброй сотрудницы у нас нет. Она всю себя отдавала детям, совершенно искренне, понимаете? Она сама – женщина одинокая, дни и ночи проводила в детском доме, можно сказать, жила здесь. Она даже детям покупала игрушки за свой счет, но я запретила ей это делать. Ведь если даришь что-то одному ребенку, то другие начнут ревновать...

– А Варвара Михайловна выделяла конкретно кого-то из детей?

– Ну, ни одного любимчика у нее не было. Да она всех любила! Просто, например, если Таня вдруг заплакала вечером, то Варвара Михайловна на следующий день тащит ей куклу. Вадик обжег руку – так она ему конструктор несет, чтобы утешить. Жалела детей... И какая из нее убийца? Это просто абсурд! Я поэтому и позвонила вам, чтобы вы выяснили все до конца. Не могла она убить, это все чушь!

– Но почему-то же она призналась? – задумчиво спросила я. – Кстати, как она объяснила, что произошло в тот злополучный вечер?

Аделаида Анатольевна горестно покачала головой и взялась за следующую сигарету. Руки у нее слегка подрагивали, когда она прикуривала.

– Она сказала, что в тот вечер никак не могла уложить Сережу спать. Что все уже легли, утомонились, а мальчик, который лежал с ним в изоляторе, вообще уже спал – ему были прописаны седативные препараты. И только Сережа стоял на голове, постоянно выбегал из изолятора, заглядывал в комнаты к ребятам, смеялся, рожи корчил... Он вообще был очень эмоционально возбудимым, трудно управляемым ребенком.

– Сколько ему было лет?

– Девять.

– И что, так трудно справиться с девятилетним ребенком? – удивилась я.

Аделаида Анатольевна невольно усмехнулась.

– Сразу видно, что у вас нет детей, – снисходительно произнесла она. – Вы себе представить не можете, как порой бывает трудно с одним ребенком... Порой один такой вот Сережа стоит целого детского дома.

– Понятно. И что же было дальше, по словам Варвары Михайловны?

– Она сказала, что, когда Сережа в очередной раз про-

крался к здоровым ребятам, у нее сдали нервы. Время уже приближалось к двенадцати часам ночи. Она поймала его, схватила и потащила в изолятор. Там она насильно уложила его в постель, накрыла одеялом и навалилась сверху своим телом. Так она его удерживала минут пять, потом увидела, что мальчик затих. Тогда она спокойно покинула изолятор. Она утверждает, что была уверена, будто Сережа просто заснул. А наутро обнаружилось, что он мертв...

– И что же ее толкнуло сделать признание? Она как-то это объяснила? И почему она арестована, это вы вызвали милицию? Вы же вроде не хотели скандалов, огласки...

– Если бы я, – невесело усмехнулась заведующая. – Если бы она мне лично призналась... А то тут такое произошло! Рассказ долгий, начать придется издалека.

– Говорите, – кивнула я. – И чем подробнее, тем лучше.

В принципе, меня заинтересовало это дело. И если Аделаида Анатольевна и впрямь хочет нанять меня именно для расследования – а по ее поведению выходило именно это, – то я внутренне уже была готова согласиться. Правда, может выясниться, что эта самая Варвара Михайловна и в самом деле убийца, тогда мне, в общем-то, и расследовать ничего особо не придется, разве что собрать доказательства ее вины, помимо признательных показаний. Но пока нужно было выслушать все до конца.

– Итак, Сережа Губанов поступил к нам в детский дом шесть лет назад, трехлетним мальчиком. Его мать лишили

родительских прав за неумеренное употребление алкоголя. Дело в том, что, когда Сереже исполнился год, ее бросил муж. Говорят, что она пила и до этого, правда, она уверяла, будто именно это обстоятельство заставило ее начать прикладываться к рюмке... Одним словом, не знаю, как там что получилось, да это теперь и неважно, – махнула рукой директриса. – Факт в том, что Сережа стал ей совершенно не нужен, он просто превратился в обузу. Маленький мальчик сидел постоянно голодный, соседи стали жаловаться участковому, тот сообщил инспектору по делам несовершеннолетних... В общем, она, эта самая Антонина, с радостью подписала отказ от родительских прав. Говорила, что делает это ради мальчика, дескать, здесь ему будет лучше. Здесь ему и на самом деле, наверное, было лучше, хотя все эти несчастные дети все равно любят своих непутевых родителей... С тех пор Сережа жил у нас. Где находится его отец, никто не знал: с женой он развелся и уехал, нового адреса не сообщил, судьбой сына не интересовался.

Аделаида Анатольевна перевела дух и сказала:

– Давайте все-таки выпьем кофе, я распоряжусь.

Через пару минут женщина в белом халате принесла нам две чашки кофе, и Морозникова, снова закулив и отпив глоток, продолжила:

– И вот, представьте себе, месяца полтора назад вдруг приходит к нам мужчина, представляется Владиславом Юрьевичем Губановым и заявляет, что он – отец Сережи.

Оказывается, он случайно узнал, что его сын уже шесть лет как живет в детском доме. И вот, представляете, он приехал затем, чтобы его забрать! Он все это время жил в Санкт-Петербурге, где неплохо преуспел. Женился на местной жительнице, правда, жил поначалу с ее родителями. Потом устроился в какой-то немецкий концерн, стал зарабатывать хорошие деньги – он знает немецкий язык и вдобавок хороший программист. Купил квартиру в Питере, у них с новой женой родился сын, сейчас ему пять лет. Словом, живут они хорошо. Мы все это проверили, разумеется, – все верно.

– А откуда он узнал, что его сын в детском доме?

– Его приятель по Тарасову приезжал в Москву, случайно встретил его там, они разговорились... Адреса своего Губанов никому не давал. Родители его умерли, а больше в Тарасове у него никого не было – он вообще, оказывается, родом из Самары.

– И сыном он никогда не интересовался?

– Говорил, что не думал, что все так плохо, был уверен, что все в порядке. Говорил, что был сильно обижен за что-то на жену, не хотел иметь с ней ничего общего... Ну а заодно и сына из своей жизни вычеркнул. Каялся, конечно, упрекал себя, говорил, что молодой был, горячий. Вот и решил исправить ошибку молодости.

– Ну а вы что?

Морозникова со вздохом развела руками.

– Ну а что я? Я же не могу такой серьезный вопрос решить

с бухты-барахты! Разумеется, хорошо, когда детдомовского ребенка забирают в семью, тем более родной отец. Но... Требуется все тщательно проверить, оценить... Да и время нужно. Вдруг это просто порыв, а через три месяца он привезет мальчика обратно и скажет – забирайте его, он мне не нужен. Еще неизвестно, как его теперешняя жена приняла бы Сережу. И потом, не забывайте, что он все-таки шесть лет не интересовался судьбой сына. Да и по документам отец числится пропавшим без вести... Словом, тут много заморочек – и психологических, и бумажных. Но, конечно же, я обещала ему, что подумаю, посоветуюсь в отделе образования, объясню там ситуацию. Договорились, что он приедет через два месяца и тогда уже будем решать вопрос. И вот сегодня он приехал, даже раньше установленного срока...

– А вы что же, не сообщили ему о смерти Сережи? – удивилась я.

Аделаида Анатольевна стала мяться и теребить воротник пиджака.

– Понимаете, я боялась... мне не хотелось... – выдавила она.

– Понимаю, – вздохнула я. – Не хотелось выносить сор из избы. Но вы же понимаете, что он все равно узнал бы рано или поздно.

– Я же не знала, чем это все закончится, что выяснит милиция! Что бы я стала ему говорить, как объяснять случившееся? Мальчика мы похоронили за государственный счет

плюс спонсоры помогли... Все сделали как положено.

– Ладно, это неважно, – махнула я рукой. – Рассказывайте дальше.

– Он пришел сегодня утром к нам в детский дом. И не успел дойти до моего кабинета, как ему уже доложили о смерти мальчика!

– Кто?

– Ах, да не знаю я! Только он ворвался ко мне в кабинет уже разъяренный, даже охранник его не остановил. Стал задавать мне кучу вопросов, выяснять всю подноготную, заставил меня выйти в коридор, пригласить весь персонал... Я, признаться, жутко растерялась.

– А вы милицию не вызвали? Ну, чтобы его несколько усмирили...

Аделаида Анатольевна посмотрела на меня красноречивым взглядом, и я окончательно убедилась, насколько сильна в этой женщине склонность скрывать малейший намек на скандал, малейший удар по репутации.

– Разумеется, мы пытались решить все сами, тихо, миром. Все хором принялись ему объяснять, что никто не виноват, что произошел несчастный случай, но его это не убедило. Он уже немного пришел в себя, заговорил деловито, сказал, что проведет собственное расследование. Сказал, что его друг возглавляет частное сыскное агентство в Санкт-Петербурге. Затем стал расспрашивать всех, кто был в тот вечер в детском доме, дежурную воспитательницу, нянечку, мальчика,

который лежал с Сережей в изоляторе, остальных детей... И тут вдруг Варвара Михайловна как заголосит! Вцепилась в него и кричит: «Уведите детей отсюда, я сама вам все расскажу!» Кое-как детей распихали по их комнатам, но воспитатели-то остались! И вот она при них во всем и призналась. Губанов тут же достал мобильный телефон и набрал «ноль-два». Приехали быстро, и Варвару Михайловну увезли.

Аделаида Анатольевна умолкла и с тоской уставилась в стену. На лбу ее прорезалась морщина, она часто терла пылающие щеки руками.

– Ну вот, теперь мне все более-менее ясно, – констатировала я. – По крайней мере, почему призналась Варвара Михайловна.

– Почему? – тут же встрепенулась Аделаида Анатольевна.

– Скорее всего, она испугалась, что Губанов выполнит свое намерение провести расследование, тем более с помощью питерской детективной конторы. Подумала, что они уж точно докопаются до правды и тогда ей будет только хуже. Вот и решила опередить события. К тому же, видимо, ее напугал напор Губанова. Она, как я поняла, человек довольно наивный и доверчивый, так?

– Да, – согласилась Морозникова. – Но я все равно в это не верю! Не могла она убить ребенка, не могла! Я вас очень прошу, Татьяна Александровна, не верить ее словам. Не делайте скоропалительных выводов, разберитесь, пожалуйста, досконально.

– Аделаида Анатольевна, если уж я берусь за дело, то можете не сомневаться, что я разберусь в нем досконально, – чуть улыбнувшись, заверила я перепуганную заведующую.

– Так вы беретесь? – воскликнула она, и глаза ее радостно вспыхнули.

– Да, – твердо ответила я. – Но... Надеюсь, вам известны мои расценки?

– Да-да, не беспокойтесь, я найду, откуда выделить деньги, – успокаивающе подняла руки Морозникова, продолжая смотреть на меня выжидательно, словно желая спросить, с чего же я начну свою работу.

– Для начала я должна побеседовать с вашими подопечными – и с персоналом, и с воспитанниками. В первую очередь с дежурным воспитателем и с мальчиком, который лежал в изоляторе вместе с Сережей Губановым. Кстати, что он говорит по этому поводу? Ведь он находился в непосредственной близости к умершему.

– Я же говорила вам, ему прописывали феназепам! И еще кое-какие препараты для лечения основного заболевания, которые при взаимодействии с феназепамом усиливают седативный эффект. Он просто спал с десяти часов, это и Варвара Михайловна подтверждает, и дежурный воспитатель. Вам позвать ее прямо сейчас?

– Для начала ответьте еще на несколько вопросов. Во-первых, где сейчас мать Сережи Губанова, что с ней?

– Понятия не имею, – покачала головой Аделаида Анато-

льевна. — Она здесь не появлялась ни разу. Даже не знаю, живет ли она по своему прежнему адресу. Да и жива ли вообще... — со вздохом добавила она. — Сами понимаете, после отказа от родительских прав ее согласие на то, чтобы отец забрал Сережу, не требовалось. И мы не стали тратить на нее время.

— Теперь расскажите поподробнее о Варваре Михайловне. Сколько ей лет, откуда пришла, что за отношения с коллегами...

Аделаида Анатольевна закатила глаза.

— Так, значит, Варвара Михайловна Никишина работает у нас около четырех лет. До этого она работала в детском саду. Лет ей где-то двадцать семь — двадцать девять. Отношения с коллегами... Да по-разному складывались — люди ведь все со своими характерами, со своими привычками, принципами. Вообще-то она особенно ни с кем не дружила, все больше с детьми возилась. Сама она не замужем и никогда не была.

— И своих детей нет?

Аделаида Анатольевна взялась за сигарету. Потом отрицательно покачала головой.

— Так что, как я говорила, дома ей, в сущности, нечего было делать. Вот она и проводила почти все время в детском доме.

— Вообще-то это довольно странно, в ее-то возрасте. Ведь она, в сущности, еще совсем молодая женщина, даже тридцати нет. В это время обычно у девушек иные интересы.

– Ой, вы знаете, ее как-то даже язык не повернется назвать девушкой, – развела руками Аделаида Анатольевна. – Она... как бы это сказать... немного не от мира сего, понимаете? Несовременна, не раскованна, как многие нынешние девичьи. Не любит то, что предпочитает сегодняшняя молодежь. Напрочь не разбирается в компьютерах, понятия не имеет об Интернете, представить ее на дискотеке или посылающей кому-то «прикольные» эсэмэски я просто вообразить не могу. Да у нее и мобильного телефона-то, по-моему, нет – он ей ни к чему. Она словно создана для того, чтобы быть няней. Или многодетной мамой.

– Однако же детей у нее нет, – задумчиво протянула я. – И она, кажется, не стремится их заводить. Между ней и Сережей Губановым раньше возникали конфликты?

Морозникова чуть подумала.

– Нет, – наконец ответила она. – Серьезных – нет. А по мелочи... По мелочи все с Сережей помучились. Любил он поиздеваться, что называется, поизводить.

– А с другими детьми? Может быть, из старших групп?

– Ой, между детьми часто возникают всякие недоразумения, – махнула рукой с сигаретой Аделаида Анатольевна, и пепел упал на полированный стол. – Бывает, что и подерутся. Бывало, что и Сережу поколачивали. Но, как вы понимаете, они стараются скрывать свои стычки от воспитателей. Есть, конечно, мелкие ябеды, но их сами дети наказывают. Среди детдомовцев законы жестче, сами знаете... Одним словом, я

не могу выделить кого-то конкретно, кто бы так сильно ненавидел Сережу. И потом, извините, но я все же никак не могу допустить мысли, что кто-то из детей решился на убийство!

– Охранник, который дежурил в ту трагическую ночь, сейчас здесь?

– Нет, сегодня не его смена. Он будет послезавтра.

– Хорошо, тогда разговор с ним отложим. А сейчас давайте поговорим с дежурным воспитателем. Как ее зовут?

– Валерия Георгиевна Сокольниковна. Пойдемте, я провожу вас к ней. Или лучше вызвать в кабинет?

– Нет-нет, лучше мы сами к ней подойдем, – сказала я и встала.

Аделаида Анатольевна повела меня на третий этаж.

– Там у нас младшая группа, – пояснила она. – Валерия Георгиевна работает у них.

Валерию Георгиевну мы и впрямь нашли на третьем этаже. На пороге одной из комнат стояла высокая женщина лет тридцати семи, с замысловато закрученной «ракушкой» из черных волос. Короткая розовая юбка открывала довольно стройные ноги, черная блузка с глубоким вырезом туго обтягивала очень пышную грудь. Лицо у Валерии Георгиевны было округлым, карие глаза густо подведены черным карандашом, а губы выкрашены помадой темно-вишневого оттенка. Вот уж кому было не занимать яркости и броскости, так это ей. Правда, я отметила, что эта нарочито подчеркнутая, искусственная броскость ей не очень к лицу: во-первых, она

была щедро одарена ею самой природой, во-вторых, чересчур откровенный наряд усиливал впечатление крупноватости ее фигуры, особенно верхней части, и был не совсем уместен и даже вызывающ для детского дома, а в-третьих, все же возраст, знаете ли... Когда сорок лет не за горами, все же лучше отказаться от слишком коротких юбок, яркого макияжа и вычурных причесок – это только прибавляет зрительно несколько лет. Но Сокольникова, очевидно, считала совершенно по-иному, потому что держалась очень уверенно, в лице ее была некая властность и даже, как мне показалось, стервозность.

– Так, все пошли мыть руки – и в столовую на обед! – громким и звонким меццо-сопрано взывала она к детям. – Я повторять не стану!

– Валерия Георгиевна, – окликнула ее заведующая.

– Да. – Сокольникова сделала движение в нашу сторону.

– В столовую детей отведет другой воспитатель, а вы поговорите, пожалуйста, с Татьяной Александровной. Я вам говорила, – при последней фразе Аделаида Анатольевна понизила голос до шепота и выразительно посмотрела на свою сотрудницу.

– Ах да, – кивнула высокой прической Сокольникова. – Где нам лучше побеседовать?

– А вот сейчас дети отправятся на обед, и комната станет свободна, – взяла я инициативу в свои руки. – Здесь и побеседуем.

– Хорошо, – кивнула воспитатель и, повернувшись к детям, снова повысила голос:

– Через полминуты все стоят у двери парами в ряд!

«Ого! – подумала я. – Не женщина, а прямо-таки сержант в юбке! Интересно, здесь все воспитатели так разговаривают с детьми? Или они только так и слушаются?»

Комната вскоре опустела, и мы прошли внутрь. Это был не класс, а именно комната, где дети жили, проводили свободное время и спали – у дальней стены в два ряда были расставлены тщательно заправленные кровати.

Валерия Георгиевна пододвинула мне деревянный стул, сама села на точно такой же рядом, положив ногу на ногу. И колготки у нее были с блеском, и черные туфельки на высокой шпильке... Ну, словно она не на работу воспитателя пришла, а как минимум на должность менеджера по работе с клиентами в какую-нибудь торговую компанию.

– Валерия Георгиевна, вы, наверное, понимаете, по какому поводу я пришла с вами поговорить, – начала я.

– Да все я понимаю! – махнула рукой Сокольникова. – Не понимаю только, для чего Аде все это нужно.

Я подумала, что Адой она, вероятно, называет Аделаиду Анатольевну, а это означало, что отношения между этими женщинами лишены официоза. Ну, разумеется, не в кругу воспитанников.

– Она хочет установить истину, – заметила я.

– Да бросьте вы! – Сокольникова снова махнула рукой. –

Трясется она вечно, все боится, что какой-нибудь скандал выйдет и что спонсоры от нас откажутся. Что ей тогда делать, на одну зарплату жить?

Валерия Георгиевна разговаривала со мной запросто, раскрывая карты, которые, в сущности, не обязана была раскрывать. И, по сути дела, в чем-то подставляла свою начальницу. Что это – умышленное желание досадить ей или лишь простодушие и непосредственность? На простушку она явно не похожа...

– Что, хорошие спонсоры? – поинтересовалась я.

– Да уж грех жаловаться! И ремонт отгрохали, и детям новые игрушки, одежду, оборудование... Компьютеры даже закупили. Ну и ей, конечно, перепадает – что мы, дураки, что ли? На зарплату педагога так не разоденешься, в салон красоты каждую неделю не походишь. А у нее только шуб целых три! Правда, одна старая совсем. И сережки-колечки часто меняются.

«Наблюдательная дамочка», – отметила я про себя.

– А что касается этой Никишиной, то Ада зря суетится. Поздно суетиться-то! Она же во всем призналась! Господи, да я сразу подумала, что это она! Кому же еще? Мы же вместе с ней тогда дежурили. И никого больше не было, тем более посторонних.

– А вот Аделаида Анатольевна уверена, что Варвара Михайловна не могла этого сделать, – заметила я.

– Просто Аделаиде Анатольевне хочется так думать, –

фыркнула Валерия Георгиевна, поправляя кокетливо выпущенный из гладкой прически завиток. – И еще она слишком наивная. Я бы на ее месте эту Варвару на работу вообще не взяла!

– Почему это? – удивилась я.

– Потому что она припадочная! С детьми сюсюкает, а на воспитателей набрасывается. Один раз меня чуть не ударила.

– За что?

– А я откуда знаю? – капризно скривила губы Сокольникова. – Что-то ей взбрело в голову... Она же одинокая совсем, у нее даже мужика нет! Вот и бесится. Ада ее хвалит: дескать, она всю себя детям отдает. А кому ей еще себя отдавать-то? Она, может, и рада была бы кому отдаться, да только никто не берет, – и она рассмеялась каким-то злым, неискренним смехом.

– И тем не менее вы уверены, что она задушила мальчика, – напомнила я. – При том, что всю себя отдавала детям.

– Я же говорю, у нее с головой не в порядке. И с нервами тоже. Конечно, перезрелая девица, живет, как старуха, без мужика, не ходит никуда... Тут у кого угодно крыша поедет. А кто виноват? Сама виновата! Одевается, как монашка, ведет себя так же... Сколько раз мы на праздники сбрасывались, так она хоть бы рубль дала – никогда! Вечно отказывается. А чего отделяться от коллектива-то? Так никогда отношения не сложатся. Да я вам больше скажу – она нам всем завидовала просто! У остальных-то все в порядке: у кого се-

мья, дети, мужья, у кого любовники. А она вечно одна, зачуханная и убогая. Ох! – Валерия Георгиевна покачала головой. – Хотя мне ее, признаться, жалко было. Ну что себя заживо хоронить в ее-то возрасте? Мне бы сейчас ее годы – о-о-ой!

В этом последнем протяжном «о-о-ой» прямо-таки слышалось: «Вот уж я бы оторвалась на полную катушку!»

«Странно, что женщина с таким складом характера выбрала для себя работу воспитателя, – подумалось мне. – Коллектив сплошь женский, да еще и дети...»

– А у вас самой дети есть? – поинтересовалась я.

– Дочь, – коротко ответила Сокольникова. – Взрослая уже, пятнадцать лет.

– Валерия Георгиевна, расскажите, пожалуйста, о той ночи, когда произошла трагедия, – попросила я.

– Да про ночь-то и рассказывать нечего, все, как обычно, – быстро проговорила Сокольникова. – Все уже утром выяснилось, уже когда и заведующая, и другие воспитатели пришли. Я уже домой собиралась, сменщица моя пришла, директриса явилась, а тут вылетает Никишина с бешеными глазами и орет: «Кошмар! Ужас! Сережа умер!» До сих пор помню, как она завывала, у меня аж мороз по коже прошел. – Сокольникова передернулась. – Ну, естественно, мы побежали, проверили – действительно мертвый, холодный уже совсем. Милицию пришлось вызывать, хотя Ада до последнего тянула, все тряслась. Приехали, всех опрашивали, все осматри-

вали... Я домой только к вечеру попала, и это после суток работы!

– И тогда вы не заметили в поведении Варвары Михайловны ничего необычного?

– Да нет, – глядя в сторону, ответила Валерия Георгиевна. – Она вообще со странностями, так что... Да и не до нее всем было, всех смерть Губанова взбудоражила. Это я уж потом, дома, прикинула, что кому же, кроме нее...

– А ночью вы ее видели?

– Да, она спала на кушетке, я мимо проходила, в туалет.

«Если Никишина действительно задушила мальчика, то при ее взвинченных нервах ей трудно было до утра сохранять спокойствие и молчание. Да еще и спать. Или она сама не знала, что задушила его, и поняла это только утром?»

– А что вы можете сказать про Сережу Губанова?

– Да мальчишка как мальчишка! – отмахнулась Сокольникова с какой-то досадой. – Ну, любил пошалить – а кто не любит? Ему же девять лет всего было! Простительно для ребенка. Господи, они же дети, тем более брошенные, надо же с пониманием относиться, с лаской, – и Сокольникова улыбнулась.

Улыбка показалась мне натянутой, и вообще, по тону, с каким она сама разговаривала с детьми, у меня не сложилось впечатления, что Валерия Георгиевна переполнена к ним таким чувством, как ласка. Она просто выполняла свою работу – может быть, и исправно, но без души. И вообще, я бы-

ла уверена, что Сокольникова неискренна со мной. В чем-то она явно кривила душой, не высказывала своего настоящего мнения, и делалось это, видимо, в угоду себе. Только чего ей за себя-то опасаться? Только потому, что она была дежурным воспитателем в ту ночь и не уследила за ребенком? Но их функции с Никишиной были разграничены, и вообще, понятно, что в первую очередь будут отвечать непосредственный виновник и заведующая. И все же Валерия Георгиевна явно что-то скрывала. И вытянуть из нее правду, по крайней мере сейчас, было невозможно. Почувствовав, что я ей не доверяю, она сейчас или станет отвечать односложно, или вообще пойдет врать напрапалую – попробуй потом отличить зерна от плевел.

– Вы знали о том, что Сережу хочет забрать отец? – спросила я.

– Знала, конечно, – пожала плечами Сокольникова. – Только не очень-то я в это верила.

– Почему?

– Да потому что кому это надо – с чужим ребенком возиться? Это я про его теперешнюю жену говорю. Зачем ей это? Я была уверена, что она его все равно переубедит забирать Сережу. Не лаской, так хитростью или угрозами – женщина же всегда своего добьется, верно?

Вот сейчас она была сама собой, абсолютно искренней, в этом я не сомневалась.

– А вы разве знакомы с его женой?

– Откуда же мне быть с ней знакомой? – воскликнула Сокольникова. – Она ведь живет в Санкт-Петербурге! Я просто представляю, как повела бы себя на ее месте любая женщина.

Я не стала спорить и спросила:

– Можно мне сейчас поговорить с тем мальчиком, который лежал с Сережей в изоляторе?

Сокольникова чуть отдернула левый рукав блузки и взглянула на изящные часы.

– Можно, у них уже закончились занятия. Средние и старшие классы у нас учатся в первую смену, а младшие – во вторую, – пояснила она. – Вас проводить к нему?

– Да, пожалуйста, – попросила я.

Мы отправились вниз по лестнице. По дороге я спросила Валерию Георгиевну, как она может охарактеризовать этого воспитанника, но та ответила, что работает в младшей группе и старшеклассников знает только в лицо. Я приняла ее отмазку, решив не настаивать.

Андрей Никифоров оказался сероглазым и темноволосым мальчишкой, не очень высоким, но стройным, с коротким ежиком на голове. Мы застали его в столовой, где он с удовольствием допивал компот из сухофруктов.

– Никифоров, ты пообедал? – спросила Валерия Георгиевна.

– Да, – ответил пацан.

– Тогда сдай стакан и побеседуй с Татьяной Александровной, она из милиции, – заявила Сокольникова, оставаясь сто-

ять рядом со мной.

– Спасибо, вы мне больше не нужны, – улыбнулась я.

На лице Валерии Георгиевны выразилось сомнение, связанное, как я подумала, с тем, стоит ли оставлять воспитанника наедине с моими вопросами. Потом она все же кивнула и, быстро повернувшись, пошла к лестнице. Я решила, что она сейчас пришлет сюда Аделаиду Анатольевну, и не ошиблась. Но пока заведующая прибыла из своего кабинета, я успела задать Никифорову несколько вопросов. Парень, чувствовалось, был не очень-то рад этому разговору. Он нахмурился, смотрел в пол и отвечал неохотно.

– Андрей, тебе нечего бояться, – начала я самым мягким тоном, на который была способна. – Расскажи мне о той ночи, когда умер Сережа Губанов.

– Да я спал, – сказал Никифоров. – Мне лекарства давали, я с них каждую ночь спал как убитый.

– Хорошо, тогда расскажи, что происходило вечером, перед сном?

Андрей еще больше нахмурился.

– Да ничего особенного. Воспитатели стали всех спать укладывать, а Губанов никак не хотел ложиться. А я уже лекарство выпил, и у меня глаза слипались. Я еще сказал ему, мол, будешь шуметь – уши оборву. А потом просто отрубился.

– А Варвару Михайловну ты видел перед сном?

– Конечно, она несколько раз к нам заходила, все тоже

Губанова уговаривала, чтобы он ложился.

– Она кричала на него?

– Да нет, – пожал плечами Андрей. – Она вообще почти не кричит никогда.

– Ты к ней хорошо относишься?

Никифоров отвернулся от меня. Потом сказал:

– Она очень хорошая и добрая. А если кто на нее наговаривает, не верьте.

– Но она же сама призналась в убийстве Сережи, – тихо напомнила я, думая, что все дети все равно уже в курсе сегодняшних событий.

Никифоров совсем насупился.

– Я не знаю, – наконец сказал он. – Если она в милиции, то они, наверное, разберутся, да?

Он посмотрел мне в глаза.

– Если они не разберутся, то я помогу, – улыбнувшись, пообещала я ему.

– У нас ее все любят, – добавил Андрей.

В это время, стуча каблуками, к нам торопливо приближалась Аделаида Анатольевна.

– Татьяна Александровна, мы можем пригласить Андрея ко мне в кабинет, там будет удобнее, – заговорила она еще метра за два до нас.

– Да мы уже обо всем поговорили, – обнадежила я ее. – Я больше не хочу задерживать Андрея.

Никифоров посмотрел на заведующую и, получив соглас-

ный кивок, вышел из столовой.

– А вот теперь пойдете к вам, – сказала я. – Мне еще кое-что нужно.

Мы снова расселись по обе стороны полированного стола, и я попросила у Морозниковой личное дело Сережи Губанова. Помявшись, та все-таки нашла его в шкафу среди множества других папок и протянула мне. Я сказала, что возьму его домой и верну, как только оно перестанет быть мне нужным. Морозникова неохотно, но согласилась. Кроме этого, я попросила у нее координаты отца Сережи Губанова.

– Ой, а я даже и не знаю, что вам сказать, – растерялась та.

– Как же это? Разве он не говорил вам, как с ним связаться?

– Нет, в первый свой приход он, конечно же, оставлял свой питерский адрес и телефон... Кроме того... Сейчас.

Аделаида Анатольевна засуетилась, полезла в свой стол и вскоре достала листок бумаги.

– Вот его питерские координаты, – сказала она. – И мобильный телефон. А жил он здесь, по его словам, в гостинице «Тарасовская». Но где он остановился сейчас, я не знаю. А вы что, хотите с ним встретиться?

– Не знаю, возможно, придется, – пожала я плечами.

Морозникова поежилась – видимо, ей самой совершенно не хотелось больше встречаться с этим человеком. Затем я получила от нее аванс, после чего сказала:

– На этом мы с вами распрощаемся, а вечером я вам по-

звоню. Но предупреждаю, Аделаида Анатольевна, что моя работа может закончиться уже сегодня. В случае, если я буду убеждена в том, что Варвара Михайловна действительно виновна в смерти Сергея.

Заведующая детским домом грустно кивнула мне и попрощалась.

Выйдя во двор, я быстро пошла к своей машине. С остальными воспитанниками я посчитала пока излишним общаться. Возможно, все станет ясно уже очень скоро и в этом вообще не будет необходимости. В данный момент я собиралась отправиться в Кировский РОВД, чтобы пообщаться с кем-нибудь из своих знакомых милиционеров.

ГЛАВА 2

– Вот так вот, Толя, теперь с родными женами поступаю! Говорила мне мама, чтобы замуж за него не шла – нет, не послушалась! Вот теперь всю жизнь и расплачиваюсь! А уж могла бы... В восемнадцать-то лет видел бы ты меня! Да красивее меня ни одной девки во всей округе не было! Парни табунами за мной ходили, а я на этого бездомного позарилась! Жить к себе пустила, прописала, как человека! А он мне вон как отплатил! Тогда бросил и сейчас как с собакой! Даже хуже! Собаке-то хозяин хоть кусок какой бросает, а мне – вообще ничего!

– Что, прямо так и сказал?

– Так и сказал! И искать его запретил, понял?

– Вот гад, а?! Эх, жаль, меня дома не было, я б ему...

– Да что ты ему! Тогда вон, во второй раз-то... Чего ему не врезал-то? Побоялся, да?

– Тонь, да тогда... Ну... Я сам как обухом по голове, и вообще...

– Ой, опостылел ты мне! Все мне опостытели!

Антонина горестно махнула рукой и закрыла лицо. Она сидела с ногами на диване, закутавшись в старую вязаную кофту, а ее сожитель Анатолий расхаживал по комнате туда-сюда.

– Печку-то топила? – неожиданно остановился он.

– А? – отозвалась Антонина.

– Печку, говорю, топила?

– Да разве мне до печки было? – Антонина залилась слезами.

Анатолий, выругавшись, подошел к буфету, порывшись, отыскал газету, оторвал кусок, скрутил, поджег и затопил газовую печь.

– Осталось что-нибудь? – спросил он.

Антонина, поняв его без пояснений, молча показала рукой на буфетную полку. Анатолий полез туда и достал початую бутылку, на треть наполненную водкой.

– Это что – все, что ли? – изумился он.

– А что, мало? – огрызнулась Антонина. – У меня горе, между прочим! У меня жизнь наперекосяк пошла, а ты упрекаешь!

– Я не упрекаю, а к тому говорю, что мне тоже надо! – миролюбиво сказал тот, наливая водку в стакан.

– И мне плесни. – Антонина протянула рюмку.

– Хватит уже! – воспротивился было Анатолий, но Антонина резво соскочила с дивана и буквально выдернула бутылку у него из рук, налив и себе водки.

– На мои, между прочим, куплена, – гордо заявила она.

Анатолий ничего не ответил, залпом опрокинул стакан и, заметив на столе кусок хлеба, занюхал им. Антонина тоже выпила, не закусывая и не занюхивая водку.

– Пожрать-то есть что? – спросил он.

– Вон, – Антонина кивнула на холодильник.

Анатолий открыл его, но обнаружил лишь открытую банку килек, в которой, кроме томатной подливки, больше ничего не было.

– И все? – снова изумился он.

– Хлеб вон на столе есть, – предложила Антонина. – некогда мне было сегодня готовить, меня и так как топором по голове ударили! И не ходила я никуда! Ты вон мог бы купить, если жрать хочешь.

– Ты ж знаешь, у меня денег нет!

– А у меня прямо миллионы везде разложены! – ехидно ответила Антонина. – Миллионы-то – они вон у кого теперь! Только нам с тобой с них шиш с маслом!

Анатолий заворчал что-то, но сел к столу и принялся макать кусок хлеба в банку. Покосившись на Антонину, он быстро вылил остатки водки в стакан и столь же быстро опустошил его. Антонина посмотрела на него явно недружелюбно. Закусив, Анатолий откинулся на спинку стула и задумался.

– Что, неужто и впрямь парня забрать решил?

– Да, так и сказал! И в детдоме уж был, документы, говорит, оформляю. Да вот не успел...

– А ты бы не позволяла! – повысил голос Анатолий и даже пристукнул кулаком по столу. – Ты мать, в конце концов!

– А я и не позволяла! – закричала женщина. – Только он говорит, что меня и спрашивать никто не станет! Не нужно

никому согласие мое! Теперь-то выходит, что он, подлец, на ребенка-то отказную не писал, значит, имеет все права. А я вот никаких прав теперь не имею!

Анатолий задумался.

– Слышь, Тонь... – через пару минут проговорил он. – У тебя это... деньги есть?

– Здравсьте пожалуйста, – окрысилась Антонина. – Все уши тебе прожужжала, что нету, не-ту! Я тебе битый час рассказываю, как я сегодня ни с чем осталась, а ты все свое.

– У тебя есть, я же знаю! – Анатолий поднялся с табурета. – Есть же ведь!

– А если и есть? – Антонина отодвинулась поглубже на диван. – Не про твою честь! Мне и самой горе заглушить надо, да и подлечиться завтра...

– Да я принесу завтра!

– Принесешь ты! Откуда принесешь-то? Третий день ничего не приносишь!

– Я ж тебе говорил, нас кинули эти козлы! Мы им весь коридор отделали, а они говорят – не те обои поклеили! Те, мол, дорогие, они их в комнату хотели, а мы перепутали...

– Пить надо меньше, тогда и путать не будете!

Анатолий аж крутанулся на месте.

– Тонь, завтра точно деньги будут! Точно тебе говорю, мы с Колькой в магазине машину с сахаром разгрузить подрядились! Будут деньги!

– Не дам денег! – тупо бубнила Антонина, сидя на дива-

не. – Это мои деньги, я их честно заработала!

– Честно? – Анатолий надвинулся на нее. – Знаю я, откуда ты их получила! «Че-е-естно!» – передразнил он. – Ты вот смотри, тебе еще и выкручиваться придется за то, что ты сделала!

– А чего я сделала-то? – пожала плечами Губанова.

– А ты не знаешь, что? Ты за что деньги получала? Не помнишь? За это отвечать придется! Ты думаешь, это не вскроется никогда? Все вскроется!

Антонина широко и испуганно распахнула глаза.

– погоди, погоди, – торопливо заговорила она. – Так теперь-то какой резон об этом говорить? Дело сделано, пацана нет, а деньги... Ну и что ж, что получила! Главное, что получила, уж теперь они у меня точно никуда не денутся. А что с пацаном так вышло, так это... Какая разница теперь, как именно? Его же нет! А деньги есть!

Анатолий хлопал глазами, пытаясь понять, что в тираде его сожительницы имеет смысл, а что нет. А та, воодушевившись, продолжала отчаянно себя защищать:

– И не я это все затеяла! Мне заплатили – я честно собиралась помочь. Что тут такого? Я ни в чем таком нехорошем не замешана. Это они пускай между собой теперь разбираются, а мое дело сторона!

И все-таки она боялась. Поднявшись с дивана, женщина шагнула к буфету и принялась шарить по полкам. Все попадавшиеся ей бутылки, пузырьки и банки были пусты. Ан-

тонину охватило отчаяние. Она в растерянности оглянулась на своего сожителя. Анатолий же, обрадованный ее замешательством, принялся подливать масла в огонь:

– До суда дойдет – и тебя вызовут как миленькую! И не как свидетельницу! А как сообщницу! Ты мне поверь, я эти дела хорошо знаю! А там, думаешь, они тебя покрывать станут?! Ха! Нужна ты им! Сдадут со всеми потрохами! Кто ты такая? Так, никто! А они? У них деньги, а значит, все! К тому же репутацию твою все знают. Козлом отпущения быстренько тебя оформят и отправят в женскую колонию, а то и на зону! Прокурор с адвокатом денежки получают и между собой договорятся, судье тоже только на лапу давай! Не знаешь, что ли, как эти дела делаются? К тому же и алиби у тебя нет! А эта... през... презупция невиновности – это для детей все!

Анатолий, не бог весть насколько сведущий в юриспруденции, вконец загнал своими терминами в угол Антонину. При этом он наступал на нее, пока вплотную не прижал к буфету. Там он крепко сжал женщину за плечи и зашептал:

– Тоня, дай сейчас! Дай денег, как человека прошу! У самого душа болит – думаешь, я за тебя не переживаю? Сколько ты намаялась? Э-э-эх!

В голосе Анатолия послышались слезливые интонации. Антонина от его жалостливого тона сама расчувствовалась и пустила слезу.

– Ой, судьба моя грешная-а-а! И что же мне теперь делать?

– А я тебе помогу, – неожиданно спокойным голосом заявил Анатолий.

– Как это? – удивленно подняла на него покрасневшие глаза Антонина.

– А вот так. Вот давай выпьем, чтобы голова яснее работала, и я тебе скажу. Я кое-чего придумал, чтобы твой урод таким гоголем не ходил! Мы с него спесь-то собьем! И с остальными разберемся!

Антонина задумалась.

– И то верно, – сказала она наконец со вздохом, слезая с дивана. – Сегодня выпить не грех. Посидим, поговорим по душам. Пойди купи... И это... Закусить чем-нибудь и правда надо.

Она подошла к серванту, загородив его своим телом, достала откуда-то тщательно свернутую сотенную бумажку и протянула Анатолию. Тот, быстро повеселев, нахлобучил шапку и куртку.

– Я сейчас, один момент, – сказал он, выбегая из дома.

– Давай, – вяло отозвалась Антонина.

Она посидела еще на диване, подперев рукой щеку, поговаривала о своей тяжелой бабьей доле, а потом и сама не заметила, как задремала...

* * *

Вначале я дозвонилась по мобильному до Володи Кирья-

нова, который, естественно, сразу же меня узнал.

— Володя, привет. Вот по какому вопросу беспокою — слышал что-нибудь про смерть мальчика в детском доме?

— Слышал, конечно, — откликнулся Кирьянов. — Да во всех отделах, наверное, слышали — дело-то неординарное. Только там вроде ясно уже все. Преступник чистосердечное признание написал. Или ты в адвокаты переквалифицировалась, вспомнила, что юрист по образованию?

— Я об этом вообще-то никогда и не забывала, — парировала я. — Но пока мне и нынешней работы хватает. Я-то думала, что хоть в морозы дома отсижусь, да вот видишь — преступникам тихо-мирно не сидится.

— Дома сидеть тоже несладко, — продолжил беседу Кирьянов, которому, очевидно, в этот день было скучно на работе. — У меня вот, например, холод собачий. Представляешь, отопление на целую неделю отключали. Спали с женой в куртках, детей к бабушке отправили... На работе хоть обогреватель работает. Я даже и ночевать хотел здесь оставаться, да жену было жалко одну в квартире бросать. Хотел даже внутренний обогреватель включить, но, увы, при моей работе нельзя...

— Киря, я по мобильному звоню, — прикинулась я экономной девушкой, хотя мне просто хотелось услышать, к кому лучше обратиться по делу Губанова.

— Понял, — засмеялся Кирьянов. — Вообще-то этим делом ребята Мельникова занимаются. К нему обратись, там и по-

лучишь подробности.

– Спасибо, жене привет, – отключилась я.

С Андреем Мельниковым я была знакома не меньше, чем с Кирияновым. И связывали меня с обоими прочные дружеско-деловые отношения. Был еще и любвеобильный Гарик Папазян, но с ним я не очень-то любила связываться: слишком уж откровенно и настойчиво он добивался моего женского расположения. А я девушка скромная, не люблю, знаете ли, подобные приставания. Так что Гарик всякий раз оставался с носом, по причине чего постоянно на меня гневался, но быстро остывал, как истинный горец. И я была рада, что сейчас мне не придется выслушивать бесконечные «Таня-джан, ты – мой пирожок с вишней, мой вареник». Если честно, очень хотелось завершить работу именно сегодня. Чтобы виновность Варвары Михайловны все-таки подтвердилась, как бы там она ни характеризовалась заведующей. Это мое желание было вызвано лишь неохотой заниматься расследованиями в столь суровые морозы. Хоть и потеплело чуточку, но все же не до такой степени, чтобы с утра до ночи колесить по городу, за кем-то, возможно, следить, кого-то, возможно, разыскивать. А вот с Андрюхой Мельниковым, я была уверена, мы быстро перетрем все детали.

После разговора с Кирияновым я набрала номер мобильного Владислава Юрьевича Губанова. Однако он был отключен. И где его искать, я пока не представляла. Хотя и это может оказаться ненужным.

«Ничего-ничего, – успокаивала я себя, ведя машину, – вот сейчас побеседую с Мельниковым, и все станет ясно. Может, и Губанов этот мне не пригодится».

Прежде чем заехать в РОВД, я снова достала мешочек с костями, и вот что они мне выдали:

9+36+17 – «Страсть глупцов – поспешность: не видя помех, они действуют без оглядки».

Это могло означать, что я опрометчиво надеюсь на то, что дело завершится уже сегодня. Неужели все-таки Никишина невиновна и в смерти Сережи Губанова мне придется основательно покопаться?

Мельникова я нашла очень быстро, в его кабинете. Он сидел вдвоем с каким-то молодым сержантом, они пили чай. На столе лежал пакет с халвой и несколько бутербродов.

– Чаи гоняем в рабочее время? – улыбнувшись, спросила я, проходя в кабинет.

– А у меня перерыв, – невозмутимо отозвался Андрей. – Привет, Таня, усаживайся.

Я пододвинула свободный стул поближе к столу и присела. Мельников предложил чаю, я и не стала отказываться, так как успела не только замерзнуть, но и проголодаться. Чай был так себе, зато горячий, и я, не стесняясь, подцепила один из бутербродов. Когда с трапезой было покончено, Мельников, вытерев рот, спросил:

– Какими судьбами?

– Мне сказали, ты делом Сережи Губанова занимаешься,

мальчика, которого в детском доме задушили.

– Верно сказали, – кивнул Мельников. – Ну и что? Дело, считай, в суд можно передавать. У меня чистосердечное признание вон в столе лежит.

– Дай посмотреть, – попросила я.

Мельников пожал плечами и полез в стол. Сержант сослался на какие-то дела и покинул кабинет. Мельников протянул мне несколько листков, исписанных круглым почерком, похожим на детский:

«Я, Никишина Варвара Михайловна, 1975 года рождения, проживающая по адресу... заявляю, что десятого января 2006 года, находясь на дежурстве в детском доме, по неосторожности задушила своего воспитанника, Сергея Владиславовича Губанова, 1996 года рождения... не хотела причинить вреда... была уверена, что мальчик уснул... испугалась... утром сообщила, что мальчик мертв... признаю себя виновной...»

Я пробежала признание глазами. В принципе ничего нового, не считая одной фразы: «Утром сообщила, что мальчик мертв». Из этого следовало, что Варвара Михаловна сразу поняла, что ребенок умер. Могло ли это быть правдой? Возможно ли, чтобы она терпела до утра, да еще и спала на кушетке, как говорила Сокольникова?

– Ты сам с ней беседовал, видел ее?

– Видел, конечно.

– И как? Какое у тебя сложилось впечатление?

Мельников неопределенно повертел руками в воздухе.

– Типичная старая дева...

– Ну, не такая уж она и старая, – возразила я. – Ей всего двадцать девять, между прочим.

– Выглядит на все сорок, – заявил Мельников. – Похожа на заботливую наседку.

– И ты считаешь, что вот такая способна задушить воспитанника?

– Она же не нарочно, – пожал плечами Мельников. – Не собиралась она его душить. Убийство по неосторожности, думаю, ей впаяют. Года два-три дадут, вряд ли больше. Учитывая еще ее положительные характеристики с места работы.

– А я вот не совсем уверена в ее виновности, – призналась я. – Есть некоторые моменты, правда, довольно туманные, но вот они-то меня и смущают.

– Тебе что, делать нечего? – хмыкнул Мельников. – Чтобы человек брал на себя чужую вину в убийстве – я такого за время своей службы не припомню. Или ты хочешь время потянуть, чтобы побольше денег получить за лишние рабочие дни? – подмигнул он мне.

– Андрюша, по-моему, ты меня не первый день знаешь.

– Да шучу я, шучу, – успокаивающе поднял руки Мельников. – Только зря ты все это затеяла. Она виновата, кроме нее и некому.

– Кроме нее, было бы некому, если бы они с мальчиком

вдвоем были в детском доме, да еще за железными замками.

– А ты что, думаешь, кто-то посторонний мог туда проникнуть? – прищурился Мельников. – Чтобы убить какого-то мальчика-сироту?

– Он не сирота, – напомнила я. – Милицию вообще-то вызвал его отец, если ты в курсе, который, кстати, собирался забрать его жить к себе. Довольно редко подобное случается, верно? И вот когда это уже должно было произойти, мальчик погибает. Ты считаешь это случайным совпадением?

– Не знаю, – буркнул Мельников, которому вовсе не хотелось копаться в подоплеке этого дела, а хотелось поскорее передать его в суд и получить очередную галочку на свой счет. Раскрытое неординарное убийство в январе – приятное начало года! И совесть, по идее, не должна была его мучить: чистосердечное-то признание – вот оно, на столе лежит.

– Его отец оставил вам свои координаты? – спросила я.

– Номер мобильного.

– У меня он тоже есть, но телефон отключен. Слушай, Андрей, мне очень желательна беседа с Никишиной. Просто жизненно необходима.

Мельников вздохнул.

– Ты посиди пока здесь, – проговорил он и вышел.

Пока Андрей отсутствовал, я, не желая успокаиваться, снова достала кости. На этот раз расклад был следующим:

12+18+27 – «Не время вербовать сторонников; лучше упрочьте ваши собственные позиции».

И это, по всей видимости, означало, что мне стоит сейчас не искать единомышленника в лице Андрея Мельникова, а продолжать анализировать и делать собственные выводы. Кости в очередной раз словно говорили мне, что ставить точку в этом деле и передавать его в суд еще очень рано.

Через некоторое время Мельников устроил мне возможность побеседовать с Варварой Михайловной Никишиной. При первом же взгляде на нее я отметила, что эта женщина и впрямь никак не выглядит на двадцать девять лет. Невысокого роста, с очень простым лицом, абсолютно без всякого макияжа. Курносый нос, небольшие серые глаза... Она не была полной, но фигура не производила впечатления стройности. Какая-то старомодная бесформенная одежда, прямые русые волосы собраны в хвост и перехвачены обыкновенной черной резинкой.

«А лицо у нее доброе, – отметила я про себя. – Да и милое, если присмотреться. Ей бы следить за собой получше, и выглядела бы вполне привлекательно. Что же это она себя так запустила?»

И тут же усмехнулась: если я брошу профессию частного детектива, без работы не останусь – переквалифицируюсь в визажисты.

Однако усмехаться было некогда: предстоял разговор с Никишиной, разговор серьезный, и он должен был дать мне ответ на главный вопрос – виновна Варвара Михайловна в смерти мальчика или нет.

Варвара Михайловна сидела на стуле и смотрела на меня равнодушным взглядом. Очевидно, она думала, что сейчас с ней будет проведен очередной допрос. Что ж, в какой-то мере это можно назвать и так, но только свои вопросы я буду задавать неофициально.

– Варвара Михайловна, давайте для начала с вами познакомимся. Меня зовут Татьяна Александровна Иванова, я частный детектив. И я сейчас нахожусь здесь с тем, чтобы разобраться в ситуации, в которую вы попали. Дело в том, что Аделаида Анатольевна не верит в вашу виновность, вот она и попросила меня заняться этим делом.

Во взгляде Никишиной появилась какая-то боль, он стал тяжелым.

– Зря Ада все это затеяла, – глухо проговорила она. – Я уже все рассказала. Не нужно ничего делать...

– Скажите, пожалуйста, Варвара Михайловна, а кто ваш адвокат?

Нянечка посмотрела на меня не то что удивленно, а с какой-то обреченностью.

– Нет у меня никакого адвоката, я отказалась. Не нужно мне ничего, не нужно, – твердила она, как бабка, которую убеждают принять помощь, а она, ссылаясь на какие-то давнишние принципы, поджав губы, гордо отказывается.

– Ну, адвоката вам так или иначе назначат, – пыталась я убедить ее. – И ему нужно рассказать всю правду.

– Я и так рассказала всю правду, – ровным голосом про-

должила Никишина. – Не нужно мне ничего, не нужно. Я Сережу убила, но не нарочно! Просто он спать не хотел, я рассердилась, припугнуть его собиралась, подушкой с головой накрыла, сама легла... Да, видно, сильно надавила, вот он и задохнулся. Я и сама перепугалась...

– То есть вы сразу поняли, что он задохнулся? – уточнила я.

Никишина кивнула.

– А что же вы сразу врача не вызвали, «Скорую»?

– Врач-то уж домой давно ушла, а «Скорая»... Я детей будить не хотела.

– А может быть, мальчик был в тот момент еще жив и его можно было спасти? Вы об этом подумали?

Варвара Михайловна вздрогнула, потом подняла на меня глаза и заговорила:

– Не может такого быть, мертвый он был, мертвый, что ж я, не вижу, что ли? Посинел весь, зачоченел...

– Ну, за пару минут не зачоченеешь, – махнула я рукой. – И вы после этого пошли спать, да?

Никишина снова кивнула.

– А ведь раньше никаких убийств, тем более детей, вы не совершали, – жестко продолжала я. – И по работе характеризуетесь положительно. И детей любили. И вдруг, случайно задушив воспитанника, вы спокойно пошли спать? Вас видела дежурный воспитатель, как вы спали до утра на кушетке и только утром подняли шум.

– Я не спала, я притворялась, – забормотала Варвара Михайловна.

– Не умеете вы притворяться, – еще жестче ответила я. – Сказки вы мне тут рассказываете, Варвара Михайловна! И милиция с удовольствием в эти сказки поверит, потому что им так проще. А вы попадете в тюрьму, это уж непременно. А вам всего двадцать девять лет. Выйдете оттуда – вряд ли нормальную жизнь сможете наладить. Так что лучше уж вам принять мое появление как шанс все исправить. Кого вы покрываете? Кого боитесь? Пока вы боитесь, этот человек будет иметь власть над вами. А если вы назовете его имя, то – гарантирую! – он попадет за решетку. И угрожать вам больше никогда не сможет. Вот над чем нужно думать, а не сказки сочинять! Астрид Линдгрен из вас никакая, тем более что она-то сказки писала добрые, хорошие, не те, что вы плетете!

Выговорившись, я перевела дух. Я и сама была взволнована своей речью. Да и на Варвару Михайловну, чувствовалось, это произвело впечатление. Однако откровенной со мной она не стала. Помолчав с полминуты, она со вздохом сказала:

– Я его убила. Я. Больше нечего мне вам сказать.

– Тьфу ты! – рассердилась я и встала. – Ну и сидите тут одна, страдайте! Неизвестно ради кого! Я-то думала, вы разумный человек, а вы – тряпка!

И с этими словами я вышла из комнаты. Спустившись вниз, в дежурку, я поболтала немного со знакомыми ребятами.

тами, покурила, чтобы успокоить нервы, а потом прошла в туалет: мне нужно было бросить кости, причем там, где меня точно никто не увидит. В милицейском туалете это было сделать довольно затруднительно, но я все же умудрилась.

16+26+8 – «Возможно, вы будете обрадованы неожиданно свалившимся на вас выигрышем».

М-да, пока что никакого выигрыша не прослеживалось. Да и на какой шут он мне сейчас, этот выигрыш? Вроде бы материально я не стеснена. Морозникова, что ли, заплатит мне за то, что мне удастся убедить ее в том, что Никишина все же виновна? Но я, во-первых, в этом вовсе не уверена. Во-вторых, мои косточки часто говорят иносказательно, и под выигрышем может подразумеваться вовсе не денежный бонус. Кто-то или что-то мне поможет, в этом я была уверена, и это придало мне сил.

Разговор с Варварой Михайловной убедил меня в том, что она невиновна. Эта женщина не умеет врать. И потом, пусть небольшие, но все же несостыковки в ее рассказе есть. Она словно повторяет заученную историю. Кто заставил ее выучить эту историю? Нечего здесь торчать, нужно бежать и действовать. И я уже представила себе первоначальное направление. Быстро собрав кости в мешочек, я вылетела из туалета.

– Мельников, привет. Прости, что загружаю, нужна еще одна услуга. Совсем небольшая, – торопливо добавила я, врываясь в кабинет Андрея.

– Ну? – со вздохом только и отозвался Андрей.

– На какое число назначен суд?

– Над Никишиной, что ли? – уточнил Мельников.

– Естественно, ты же знаешь, каким делом я занимаюсь.

– На шестое февраля, – коротко ответил Андрей. – А ты что, желаешь присутствовать?

– Скорее всего, да. И в связи с этим мне необходимо знать, кто осуществляет защиту несчастной Варвары Михайловны. Мельников фыркнул.

– Я думаю, что она несчастная не потому, что будет выступать в роли подсудимой, а просто по жизни. А что касается адвоката, то мне не жалко, информация отнюдь не секретная. Хотя Никишина и отказалась от адвоката, но все равно его назначили. Некая Ярослава Ярошенко. Молоденькая совсем, практически твоя ровесница. Не без таланта, конечно, девочка, но... Сама понимаешь, опыт небольшой, со всеми тонкостями нашей работы еще незнакома. Идеализмом страдает. Это все, конечно, хорошо, но... Жизнь-то мы с тобой знаем лучше, верно? Так что, боюсь, шансов у твоей Варвары не так уж много, – со вздохом закончил Мельников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.